

Ирина Андрианова

Городские невроты

6+

Ирина Андрианова

Городские неврозы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48788542

SelfPub; 2019

Аннотация

Подавляющее большинство социально-психологических проблем современности имеют в качестве условия своего существования большой город. Не будь его, мы бы не знали, что такое шопоголизм, мания порядка, перфекционизм, болезненная страсть к разнообразию жизни, погоня за оригинальностью, коллекционирование впечатлений, перманентная неудовлетворенность собой\своей жизнью и прочие диагнозы, которые авторы культурологических эссе дружно ставят современному человеку. Но это не проблемы человека – это проблемы горожанина.

Подавляющее большинство социально-психологических проблем современности имеют в качестве условия своего существования большой город. Не будь его, мы бы не знали, что такое шопоголизм, мания порядка, перфекционизм, болезненная страсть к разнообразию жизни, погоня за оригинальностью, коллекционирование впечатлений, перманентная неудовлетворенность собой своей жизнью и прочие диагнозы, которые авторы культурологических эссе дружно ставят современному человеку. Но это не проблемы человека – это проблемы горожанина. Сельские жители, вне зависимости от уровня доходов, образования и (заметьте) морали, демонстрируют иную модель поведения. Но авторы эссе, нещадно бичующие городское общество потребления со всеми его эксцессами, должны учесть, что его рядовые члены ни в чем не виноваты. У них просто нет другого выбора. Вышеперечисленные нездоровые свойства – ни что иное как оружие, которым житель мегаполиса обороняется от обступившей его пустоты и бессмысленности. И чем больше город, чем плотнее население, тем более «разреженным» становится бытие и тем больше спрос на его механическое уплотнение. В свою очередь, избыточная концентрация людей обостряет конкуренцию, желание во чтобы то ни стало отличаться и превосходить других. Пустота жизни и плотность жителей – два главных фактора, которые порождают городские неврозы.

Пожалейте горожан

Как бы не сетовали малообеспеченные горожане на свою тяжелую жизнь в сравнении с городскими богачами, их быт на порядок комфортней, чем у людей с сопоставимыми доходами в сельской глубинке. Горожанам в любом случае не нужно тратить львиную долю свободного времени на каждодневное жизнеобеспечение – протапливание печи, таскание туда-сюда ведер с водой и помоями, ручную стирку, подогрев воды для мытья и т.д. Из-за отсутствия всего этого высвобождается масса свободного времени, которое в городе нужно как-то заполнять. Мнение, что освобождение от «бытового рабства» незамедлительно дает толчок к творческому саморазвитию, давно и в треск опровергнуто. Жить ради творчества и/или идеи способны очень немногие, да и не нужно обществу такого количества творческих/идейных людей. Остальные же, будучи избавлены от многочисленных забот по самообслуживанию, оказываются перед лицом бессмысленности. Конечно, не стоит впадать в вульгарные крайности и утверждать, будто страдания полезны, потому что даруют жизни смысл. Но очевидно, что умеренные усилия, связанные с традиционным бытом, являются необходимой терапевтической долей лекарства, которая дарована человеку для борьбы с пустотой. Похоже, наше сознание не рассчитано на избыточное количество свободного времени. Вместе с ним приходит трагическое ощущение своей ненужности, и оно совершенно справедливое: избавленному от бытовых усилий человеку действительно нечего делать. Обнару-

жив себя в пустоте, человек начинает судорожно искать способ ее заполнить. И естественный выход – придание сверхзначимости всем мелочам, которые попадают к нему на глаза, и постановка задачи довести их до совершенства.

Страсть к покупкам – это не просто жадность или неспособность противостоять соблазнам рекламы. Это инстинктивное заполнение временного вакуума. Патологическая любовь к порядку, перфекционизм, стремление ко всему идеальному – начиная от поверхности ногтей и кончая интерьером кухни – тоже не безумие жителя мегаполиса, а вполне разумный метод спасения. Ошибочно думать, что избыточное потребление человеку «навязано». Его личная потребность заполнить жизнь любой ценой намного глубже, чем решение реагировать/не реагировать на рекламные манки. Социальный критик, который привык осуждать горожанина за добровольное потребительское рабство, должен задать себе вопрос: а что взамен? Готов ли он предложить людям то, чем заполнить свободу от этого рабства?

Реклама смысла жизни

А ведь им приходится изворачиваться, чтобы придумать себе новые цели и задачи для каждого нового дня. Чтобы ставить несуществующие задачи, нужно обозначить и несуществующие проблемы. Таковыми может быть несоответствие своего костюма какому-то идеальному гардеробу, который – нет, он никем нам не навязан, а добровольно выбран в качестве одной из мотиваций жить дальше. Даже са-

мая красивая женщина не может позволить себе удовлетвориться своей внешностью. Ибо для чего ей тогда жить? Традиционное представление о красоте не дает возможности потратить время для ее достижения. Густые волосы, симметричные черты лица, большие глаза – все это либо есть, либо нет. Но нам нужна не сама красота, а удовольствие от потраченных на нее усилий. Поэтому наряду с собственно красотой рождается новый эстетический стандарт – ухоженность. Женщина может и не быть первой красавицей, но весь ее облик должен демонстрировать огромную сумму потраченного на себя времени. Аккуратные, волосок к волоску лежащие волосы, выдающие регулярные походы в парикмахерскую; выверенная до десятой доли миллиметра поверхность ногтей; кожа, которая гордо сообщает, сколько слоев косметических средств на нее ежедневно наносится, чтобы она выглядела «естественной», то есть свободной от косметических средств. Обратите внимание на модный стиль рекламы косметики: манком выступают не красивые лица (что было бы логично), а эстетика самих баночек и тюбиков, и еще чаще – «вкусные» фактуры кремов и гелей. То есть покупателя привлекают не результатом, а удовольствием от процесса нанесения, намазывания, втирания и т.д. И грядущим удовлетворением от того, как много мы потратили времени на это занятие. Это реклама эрзаца смысла жизни хотя бы на час. А там – еще час, и еще, и еще, и вот пустота худо-бедно заполнена.

В деревне смыслом трех-четырёх часов жизни может стать протапливание и использование бани. Вымытое в результате тело – ценный и полезный результат. У горожанина такой роскоши нет. Вымытое тело ничего ему не стоит. Поэтому он судорожно оглядывается по сторонам и придумывает новый стандарт: теперь нужно, чтобы тело отмывалось в условиях идеальной чистоты. Необходимо также, чтобы все архитектурные элементы места омовения располагались в определенном порядке. Тут я не скажу ничего нового: известно, что само понятие стиля возникло в результате праздности. Но когда праздность была уделом немногих, они имели счастливую возможность заполнить пустоту наслаждением отличия от других. В те давние времена праздность коррелировала с властью, величием, влиянием – вобщем, ее носители знали, чем заполнить свободное время. Праздность в эгалитарном обществе тяжела вдвойне. Вынужденным бездельникам абсолютно нечем себя занять, и они принуждены доводить требования эстетики до абсурда.

Опыт самосокращения

В деревне, вопреки представлениям о «долгих зимних вечерах», скучно почти никогда не бывает. Разве что богатым дачникам, которые по привычке обложили себя городским комфортом, не сообразив, что деревня ценна не только воздухом и деревьями, но и возможностью просто и естественно обосновать свою жизнь. В отличие от них небогатые сельские жители крутятся в бытовых заботах с утра до вечера.

Вот забор покосился; вот крыльцо починить; мусор вывезти; снег убрать; баню стопить; воды натаскать; помои вынести; дровеник сложить, печку протопить и закрыть и т.д. Вот «долгий вечер» и закончился. Про подсобное хозяйство, живность и огород не говорим: для работающих людей вечера едва-едва хватает на быт. Ну а выходные расписаны за неделю вперед: съездить в город за продуктами, к врачу, за какой-нибудь справкой или по иной подобной надобности. Деревенский житель не будет совершать лишних покупок не только потому, что не хватает денег. Нет, ему даже в голову это не придет. Во-первых, потому, что нет времени. А во-вторых – и это тоже важно – потому, что из-за узкого социума в деревне отсутствует социальный стандарт. В городе даже самые невзыскательные женщины нет-нет да почувствуют неудовлетворенность от того, что у них нет красивой обновки. Потому что а) у них есть время сформулировать себе эту неудовлетворенность, б) они ощущают нервозность от огромной концентрации людей вокруг. Нервозность порождает потребность в чувстве уверенности, которая проще всего достигается соответствием внешнего вида стандарту. Плохо одетый человек в городе чувствует себя уязвимым, ловя на себе тысячи презрительных/жалостливых взглядов. В деревне, во-первых, нет такого количества взглядов: число потенциальных зрителей не превышает 10 человек в день. Да зрителям и не с кем тебя сравнивать.

Даже у самых состоятельных селян почему-то не возни-

кает желания удивить соседей необычным дизайном своего жилища. Они не стремятся регулярно менять мебель, просто «чтоб было». Приобретательство обычно заканчивается на уровне обеспечения базовым комфортом, который в деревне нужней всего: проведенная в дом вода, водонагреватель, локальная канализация, дизель-генератор на случай отключения электричества. Там, где мало людей, конкуренция слабеет.

Живя в деревне, я хожу на работу и с работы в одном и том же туристском костюме (штаны + анарака) и довольно-таки грязных резиновых сапогах уже несколько месяцев, и очень довольна, что не должна тратить время на мысль о каком-то ином костюме (пока не пришли холода). Одежда и белье соответствуют моему личному стандарту «условно чистые»; он выработался в связи с невозможностью как следует отстирать ткань руками в холодной воде. Я всей душой приветствую этот стандарт! После работы я прихожу в нашу с сыном квартирку общей площадью 12 кв.м (часть из которых приходится на печку), и всякий раз радуюсь, что ее размер не накладывает на меня обязательств как-то специально ее заполнять. Дома я: 1) перевешиваю ранее постиранное белье с улицы, где с него стекала вода, в квартиру к печке, 2) приношу воды с колонки, 3) выношу помои, 4) вычищаю печку. После этого совершаю небольшую пробежку: физкультура – вот это действительно важно. Потом готовлю сыну ужин, стараясь при этом запачкать минимум посуды, потому что из-

за отсутствия удобств ее весьма неудобно мыть. Собственно, мы с ним едим прямо из кастрюли/сковородки. Шкафов, полок, ящичков и прочего у нас нет – да и разместить было бы нигде. Но это и замечательно, потому что это оправдывает минимальное количество имеющейся у нас утвари: 1 сковорода, 2 кастрюли (кстати, одна – явно лишняя), две чайные ложечки, две столовые, три вилки (одна не используется, то есть избыточна), 1 нож, 1 чайник и 4 тарелки (а используются только две – просчет!). В качестве разделочных досок и подставок под горячее используются обрезки стройматериалов, которые я подобрала где-то на улице. А на свалке старой рухляди во дворе, которая осталась от прежних жильцов (наш дом – казенный, и начальство попеременно селит туда то одних, то других сотрудников), я нашла стакан и чашку. Вот и деньги сэкономлены! В углу висит умывальник, под ним стоит сливное ведро. Между умывальником и печкой расстояние – 1,5 метра, и оно занято четырьмя ведрами с запасом чистой воды, а также выставленной на просушку обуви. У дальней стены стоят две кровати, а свободное пространство вокруг них занято рюкзаками, набитыми запасом несезонной одежды, белья и постельных принадлежностей, а также игрушек и школьной канцелярии сына. Каждый квадратный дециметр пола использован для хранения (но только действительно нужного!), за исключением необходимого прохода. Функцию шкафа, помимо рюкзаков, выполняют шурупы, ввинченные по периметру квартиры – на

них висит вся верхняя одежда, кроме той, что временно набита в наволочки для формирования подушек. Также в качестве полок использованы подоконники: у нас два маленьких окошка. Через все жилое пространство наискосок протянута бельевая веревка. Да, у нас есть еще холодильник и плита с газовым баллоном; между ними, напротив печки задвинут стол, за которым мы едим, на котором стоит мой ноутбук и утварь. Книги, кроме подоконников и табуреток, размещены рядком прямо на моей кровати, в пространстве шириной 20 см между подушкой и стеной. Когда я сплю, стараюсь не касаться их плечом. Зато перед сном очень удобно брать их почитать: я фактически лежу прямо на книжной полке. Вы спросите, почему бы мне не сократить объем книг, используя электронное устройство для чтения? Тут уже включается природоохранная идеология: совместное пользование бумажными книгами в библиотеке оставляет меньший «экологический след», чем купленная электронная книга (ведь потребуются утилизация аккумуляторов). Лечение городских невротиков идет рука об руку с экоморалью, и это великолепно.

Предельная функциональность имеет и обратную сторону. Чтобы поесть, нам нужно специально высвободить лишнее пространство на столе; чтобы разложить перед сном дневную одежду, нужно найти свободную поверхность или незанятый шуруп, которых у нас почти нет. Но нехватка места в доме с лихвой компенсируется бескрайними пространствами снаружи. И, конечно, минимальным числом соседей,

что для социопата и невротика – счастье. Я наслаждаюсь гиперфункциональностью и разумностью моего быта. Я счастлива, что вокруг меня нет ничего лишнего (Или есть? А вот это маленькое зеркальце рядом со складом дров на печке? Оно мне нужно для выдергивания лишней растительности на лице. Да, согласна: это – излишество, как и само выщипывание бровей). Я ощущаю мою жизнь здесь как отдых от непосильного труда – труда даже не удовлетворять, но **иметь** излишние потребности, который так утомлял меня в городе. Да-да, я отдыхаю! Это при том, что я работаю в конторе с 8 до 16, а остальное время расписано почти по минутам. Зато те считанные свободные часы, которые у меня остаются, я стараюсь максимально использовать для творчества. В результате я пишу гораздо плодотворнее, чем когда-то в городе, где формально времени было больше. Хотя я еще не стара, я уже инстинктивно чувствую конечность свободного времени: если считать, что каждый день мне достается не более часа, то несложно подсчитать, сколько осталось до конца жизни. Поэтому надо все успеть. Вроде бы я все время занята, но при этом не устаю так, как в городе: нет нервного напряжения. Минимум вещей, минимум места и минимум лишнего времени – это благо. Во всяком случае, для меня. И если вы заметили в себе хоть какое-то сходство с моим случаем, то, возможно, мой опыт подскажет вам решение.

Упаси бог, я не собиралась воспевать патриархальные деревенские устои, лоно традиций, святую простоту и т.п. Су-

сальной сельской труженицы с вилами в одной руке и иконой в другой из меня точно не получится. Не только потому, что я слишком ленива (хотя с бытом неплохо справляюсь), а потому, что эта идеологема кажется мне слишком «увесистой», а я, как можно заметить, панически боюсь лишнего груза. Я также далека от мысли, что сельские жители лучше или моральнее горожан – ни в коем случае! Им просто больше повезло в том, что у них всего меньше. А горожане, к счастью, еще о том не догадались. Иначе бы сельскую пастораль давно растоптали толпы, алчущие спасения. Но пока ценность самосохранения известна не всем, она доступна.

Фото: авторская работа Ирины Андриановой